

Филимонов С.Б.

ХРАНИТЕЛЬ СОКРОВИЩ (По материалам следственного дела С.Г. Щеколдина).

4 июня 1944 года в газете “Правда” был напечатан очерк замечательного советского писателя, публициста и общественного деятеля, в ту пору – военного корреспондента “Правды” Леонида Сергеевича Соболева “На Южном берегу Крыма”. Из него страна узнала о мужестве и патриотизме директора Алушкинского дворца-музея Степана Григорьевича Щеколдина:

“Было огромной радостью увидеть в Алушке изумительный Воронцовский дворец. Здесь были разворованы полотна передвижной выставки Русского музея, часть фарфора и ковров, но основные ценности дворца-музея спасены его работниками.

Разнежившись на крымском солнце, комендант Алушки всерьез поверил, что Крым стал достоянием рейха навеки. Да и как не поверить: сам фельдмаршал Манштейн получил в дар от Гитлера все Кичкинэ в качестве личного имения. Дачи и санатории разбирались генералами, присматривалось подходящее имение для Розенберга, и сам комендант тоже отхватил себе усадьбу рядом с Алушкой. Все как будто устанавливалось прочно, навсегда. И комендант решил сохранить для будущих гостей Воронцовский музей.

Дворец был принят им под свое покровительство и объявлен немецким музеем. Комендант даже лично присутствовал при посещениях комиссии, приехавшей из Берлина для отбора ценностей, достойных храниться в германских музеях.

И тут началось трудное время для работников музея.

Драгоценные подлинники они пренебрежительно называли копиями среднего качества. Редчайшее полотно английского художника Хогарта “Политик” привлекло внимание берлинского эксперта. Директор дворца-музея Степан Григорьевич Щеколдин поспешил объяснить, что это копия – очень хорошая, но все же копия.

– Я думаю, – сказал “эксперт” с самодовольной тупостью, – если бы это был подлинник, он висел бы в Дрезденской галерее...

И “эксперта” поспешно провели дальше. Стоило ему взглянуть на оборотную сторону полотна, он увидел бы там печать британского музея, где в свое время оно было куплено, - и опасная тактика хранителя сокровищ обернулась бы для него гибелью...

В библиотеке комиссия отобрала некоторые редкие книги на итальянском и французском языках.

Но воронцовское собрание русских книг, а вместе с этим и ценнейшую коллекцию гравюр удалось спасти. Из библиотеки есть ход в так называемую “железную башню”, где и находились эти сокровища. Дверь тут сделана в виде двери книжного шкафа. С.Г. Щеколдин распахнул три стальных шкафа. Все они были пусты. На четвертом “эксперты” перестали интересоваться стенными дверями, а пятая – вела к башне...”

Приведенные в очерке сведения о жизни дворца-музея в период оккупации могли быть почерпнуты Соболевым лишь только непосредственно от Щеколдина, с которым писатель, несомненно, встречался и которого метко назвал “хранителем сокровищ”.

Но вот о чем поведали недавно рассекреченные документы из архива Главного управления Службы безопасности Украины в Крыму. Оказывается, в то самое время, когда выше процитированный очерк появился на страницах главной газеты страны, Щеколдин уж месяц, как томился в симферопольской тюрьме НКВД.

Он был арестован 4 мая 1944 года. За что? Да за то же, за что его восславил Соболев: был при немцах директором Алушкинского дворца-музея. Следовательно, сотрудничал с оккупантами...

Спустя полгода, 16 ноября 1944 года, после многочисленных допросов последовал приговор военного трибунала: 10 лет лагерей. Из них Щеколдин “не досидел” лишь два с половиной месяца: он был освобожден 16 февраля 1954 года.

Началась борьба за реабилитацию. Добиться ее в 1956 году Щеколдину не удалось. Вторая попытка была предпринята в 1968 году. Вот как вспоминал о ней сам Щеколдин: “25 ноября 1968 года я был в Москве и зашел в Союз советских писателей к Л.С. Соболеву,

который является депутатом Верховного Совета СССР от нашего Ставропольского края (Щеколдин жил тогда в Ставрополе – С.Ф.). Я рассказал ему, что подавал жалобу с просьбой о реабилитации, но после проверки в удовлетворении ее мне отказали, с чем я не согласен. Тут же я написал на его имя вторую жалобу с просьбой о реабилитации. Эту жалобу Л.С. Соболев направил в Прокуратуру СССР, откуда она была направлена в Главную Военную Прокуратуру, из нее – в Прокуратуру УССР, оттуда – в Прокуратуру Крымской области, затем – в Военную прокуратуру Одесского военного округа, оттуда – снова в Прокуратуру Крымской области. Зам. прокурора Крымской области т.<...> 27 января 1969 года сообщил мне, что моя “жалоба на имя депутата Верховного Совета Союза ССР товарища Соболева Леонида Сергеевича получена и рассмотрена. Оснований к пересмотру дела не имеется”.

Лишь в 1991 году по Закону “О реабилитации жертв политических репрессий на Украине” 88-летний Щеколдин был реабилитирован.

В наши дни о гражданском подвиге Щеколдина знают многие. Из каких источников информации? Главным образом, из вышедшей в свет в 1967 году повести И.З. Вергасова “Ялта 41 – 42”, из опубликованных в 1992 – 1993 годах в журнале “Наше наследие” воспоминаний Щеколдина, записанных в 1969 году, из напечатанного 6 февраля 1996 года в газете “Комсомольская правда” очерка “В грязных сапогах к нему в музей не вошел бы даже Гитлер”.

Увы, в этих публикациях наряду с подлинными фактами встречается и вымысел. Так, будто бы перед отступлением частей Красной Армии из Крыма в 1941 году властями было принято решение взорвать здание дворца-музея, будто бы в декабре 1941 года дворец посетил сам Гитлер, будто бы какой-то немецкий генерал попытался вывезти в Германию знаменитых мраморных львов, будто бы за спасение дворца Щеколдин заслужил личную благодарность Сталина...

Не было этого.

А что же было? Ответ на этот вопрос дает сохранившийся в следственном деле Щеколдина документ - собственноручно им написанный “Отчет о разграблении ценностей Алушкинского историко-бытового и художественного дворца-музея немецко-фашистскими оккупантами и об отношении последних к этим ценностям в период оккупации, т.е. с 9 ноября 1941 года по 15 апреля 1944 года”. Этот документ был подписан Щеколдиным 2 мая 1944 года, т.е. за 2 дня до ареста.

Щеколдин, конечно же, догадывался о том, что его ожидают встречи с представителями “органов”. Этим, на наш взгляд, объясняется и поспешность составления отчета (отчет был написан две недели спустя после освобождения Алушки частями Красной Армии), и содержащиеся в нем подробности, и бросающаяся в глаза даже мало знакомому с нравами эпохи сталинизма читателю “ура – патриотическая” терминология отчета. Но именно эти факторы обусловили, думается, достоверность заключенной в отчете информации: отчет написан по горячим следам, когда память автора хранила все подробности описываемых событий; в момент написания отчета имелось немало свидетелей, которые могли либо подтвердить, либо опровергнуть приводимые Щеколдиным сведения.

Предлагаем читателям ознакомиться с этим документом, который впервые публикуем полностью. (В извлечениях он был приведен в нашей статье “Подвиг директора музея”, напечатанной в газете “Крымское время” 16 июля 1996 года). Отчет представляет большой интерес не только для истории Крыма в период Великой Отечественной войны, не только для истории отечественной культуры и интеллигенции, не только для истории Воронцовского дворца в Алушке, которому в 1998 году исполнилось 150 лет. Отчет побуждает глубже задуматься над правомерностью поднимаемого ныне ФРГ вопроса о возвращении ей культурных ценностей, вывезенных в свое время СССР из поверженной Германии.

Отчет о разграблении ценностей Алушкинского историко-бытового и художественного дворца-музея немецко-фашистскими оккупантами и об отношении последних к этим ценностям в период оккупации, т.е. с 9 ноября 1941 года по 15 апреля 1944 года.

При отходе Красной Армии в октябре 1941 года ценности дворца-музея предполагалось эвакуировать из Алупки в Ташкент; 43 ящика из 144, приготовленных к эвакуации, были вывезены в Ялтинский порт, остальные 101 ящик остались в музее. По приходе немцев, 15 ноября 1941 года, я пошел в Ялту узнать о судьбе вывезенных ценностей и нашел их на складе порта, подвергающимся самому беззастенчивому разграблению мародерами, каковыми были как румынские, так в большей степени и немецкие офицеры. Большинство ящиков было вскрыто. Ценный фарфор XVIII и XIX столетий валялся на полу среди стружек и досок, старинные гравюры XVII – XVIII и XIX веков, истоптанные грязными следами сапог, были разбросаны по складу, здесь же валялись картины, почему-то варварски пробитые насквозь чем-то тупым, по-видимому, коленом ноги, или вырезаны ножом из подрамников. Мародеры, подъезжавшие к складу одни за другими на легковых машинах, набивали свои портфели, сумки и мешки картинами размером поменьше и увозили их с собой. В ответ на мой протест против грабежа один немецкий офицер в чине обер-лейтенанта вытолкнул меня из склада, вынув револьвер из кобуры, заявил мне, что он меня пристрелит, если я еще явлюсь на склад порта, и приказал двум солдатам выпроводить меня из порта. Толкая меня в спину, те выгнали меня.

Заручившись в Ялтинской комендатуре бумажкой на немецком языке, свидетельствующей обо мне как о заместителе заведующего дворцом-музеем и о моем полномочии вернуть все музейные ценности в Алупку, я вновь явился на склад и собственноручно стал забирать все ящики с ценностями, упаковывая в них все, что осталось на складе. Семь ящиков ценностей были разграблены, остались пустыми на складе, оставшиеся 36 ящиков я перевез на склад Городского управления г. Ялты, где запечатал их в присутствии городского головы Анищенкова. Получив в Алупке машину в Городском управлении, я перевез 18 ящиков (полную машину) во дворец-музей, а остальные 18 ящиков из-за отсутствия машины (мне дали машину только на один рейс) я долго не мог вывезти, пока, наконец, Анищенков заявил мне, что кладовая с оставшимися 18 ящиками ценностей Алупкинского музея и с ящиками Гурзуфского домика-музея А.С.Пушкина (которые я тоже перевез из порта на склад Горуправы), запечатаны штабом Розенберга и выданы мне быть не могут. Позже они были вывезены штабом Розенберга в Симферополь.

В первые два месяца немцы превратили две комнаты дворца-музея в склад для амуниции (Голубую гостиную) и для продовольствия (Вестибюль), где происходила оптовая выдача того и другого немецким частям. С первых же дней оккупации я начал с маленьким штатом сотрудников восстанавливать экспозицию дворца-музея, протестуя перед немецкими властями против использования комнат музея под склад. Мелкие вещи я старался прятать в фонды музея, а крупными произведениями (по размерам) восстанавливал экспозицию, исходя из соображений, что громоздкие вещи труднее будет немцам красть. Но мародерство продолжалось и в самом музее... Немцы проникали в музей, разбивая окна и ставни, и крали ценности, несмотря на наше круглосуточное дежурство в музее. Иногда немецкие офицеры подъезжали с грузовыми машинами к музею и по приказанию каких-то генералов забирали ценную музейную мебель работы 20-х – 30-х годов XIX века, оставляя мне расписки в получении ее. Позже, спустя месяцы, мы находили эту мебель в опустевших после отъезда немцев домах (бывших санаториях), и переносили ее обратно в музей, зачастую уже поломанную, изуродованную, с ободранной обивкой. Забирали иногда и картины, как немецкие офицеры, так и немецкие власти, как, например, комендант г. Алупки капитан Гаук, военный комендант Креве, часть которого заняла помещение, бывшее ранее санаторием им. X-летия Октября, в здании дворца. Этими картинами они украшали свои квартиры, канцелярии комендатур и общежития своих денщиков. Мои протесты против такого хищнического отношения к музейным ценностям ни к чему не приводили, а комендант Гаук, вынув револьвер, заявил, что он хозяин города, что он требует абсолютного подчинения его приказам, а если мне это непонятно, то он пристрелит меня, и тогда я все пойму. Взятые ими картины возвращены в музей не были: они увезли их с собой.

В середине ноября месяца 1941 года в музей явился капитан Детман и заявил, что он хочет приобрести ковры, висящие в Вестибюле музея и изображающие портреты персидского шаха

Фетх-Али, подаренные последним Воронцову. Когда директор музея А.Г. Корнев (бывший директором до 1 марта 1942 года, а затем, по приказу Горуправы, научным консультантом до его смерти от голода, последовавшей 28 мая 1942 года), заявил ему, что в музее ничего им ни продано, ни подарено быть не может, так как ценности эти являются народным достоянием, Детман на глазах А.Г. Корнева и его жены М.И. Корневой (живущей сейчас в Симферополе) срезал низы этих портретных ковров замечательной ручной работы первой половины XIX века персидского мастера из Решта Ага-Бузурук и увез с собой. На мое заявление об этом коменданту города капитану Фуксу последний обещал вернуть эти ковры, но несмотря на то, что Детман еще больше месяца жил в Мисхоре, ковры возвращены не были.

С середины января месяца 1942 года капитаном Креве была запрещена какая-то бы ни была работа в музее, и он потребовал сдачи всех ключей от него. Приводя аргументом необходимость ежедневной поливки растительности зимнего сада музея в течение двух хотя бы часов (в то время как в действительности эта поливка зимою была необходима не чаще двух раз в месяц), я добился разрешения Креве работать только одному мне по два часа в день. На эти два часа я тайком, когда не видел никто, впускал всех своих работников и продолжал свое дело припрятывания одних ценностей и экспонирования других. Постепенно свое рабочее время я удлинял и довел его до нормальной продолжительности, а позже и до 10-12 часов. Сотрудников я при каждом приближении немцев прятал в фонды, а затем выговорил себе постепенно по одному человеку и весь штат. Эти работники работают и сейчас в музее. Ключи же от музея (не все, так как ключи от многих фондов я скрыл от немецких властей) я с середины 1942 года до конца октября 1943 года принужден был сдавать по окончании работы военному коменданту Креве, позже – в жандармерию, а еще позже – в комендатуру. Так как иногда утром я заставал следы посещения музея немцами (вскрытые ящики, передвинутую мебель, поломанные вещи), которые, имея ключи, приходили в музей или вечером засветло, или рано утром, я стал работать в музее до темна и с раннего утра, забирая ключи, когда немцы еще спали, оставляя, таким образом, ключи только на ночь. Но и ночью были случаи проникновения с фонарями в музей, и я находил следы их посещений с целью грабежа: вскрытый, например, письменный стол Воронцова, разбитые стекла дверей камердинерской, шкафа в кабинете Воронцова, похищенные части ваз и проч. Мои заявления об этом коменданту города оставались безуспешными. Так продолжалось до середины марта 1942 года, когда явился так называемый штаб Розенберга (полное наименование: “Айнзатцштаб рейхсляйтера Розенберга, Крымская рабочая группа”, адрес: Симферополь, Пушкинская ул., д. № 27) в лице его начальника Шмидта, помощника (который позже стал начальником, когда Шмидта перевели в Харьков) Вайссера, сотрудника Реннгартена. Они наклеили на дверях свои плакаты на немецком, русском, румынском и татарском языках, извещающие о конфискации музея штабом Розенберга и запрещающие входить в фонды музея посетителям без разрешения штаба Розенберга. Мне они выдали бумажку, удостоверяющую, что я являюсь руководителем дворца-музея и что я получил строгое предписание от штаба о недопущении в помещения музея, не подлежащие осмотру, посетителей без разрешения штаба. С тех пор мародерство прекратилось, за исключением трех случаев воровства, из которых в одном случае замеченный вор в чине обер-лейтенанта, похитивший из “Китайской” комнаты Психею (бронзовую фигурку изящной работы XIX века), вернул ее при помощи комендатуры; в остальных двух случаях немцами были украдены два портрета малого размера: дорогостоящий портрет М.С.Воронцова, работы на эмали известного французского эмалиера XIX века Бон (из “Китайской” комнаты) и портрет Кушелева-Безбородко, обрамленный бронзовой круглой рамочкой (оттуда же). Воры обнаружены не были. (Свидетель: уборщица А.Г.Минакова, работающая и сейчас в музее).

На мой вопрос штабу Розенберга, зачем он вывез 18 ящиков из Ялты в Симферополь, а не в Алупку, Шмидт ответил мне, что там они находятся в большей безопасности, чем в Ялте или Алупке, вследствие возможных бомбежек советскими самолетами приморских городов или высадок десантов с моря. На просьбу мою неоднократную о возвращении хотя бы части ценностей, как, например, портретов, необходимых для экспозиции Вестибюля, картин

(больших полотен) из “Голубой гостиной”, “Бильярдной” комнаты и проч., Шмидт и Вайссер отвечали мне, что они вернут мне все, но позже, так как теперь эти картины требуют реставрации. Я понял тогда, что немцы вывезли эти ценности в Германию. Так это и оказалось, ибо по освобождении Крыма от немецко-фашистских грабителей эти ценности дворца-музея в Симферополе не обнаружены.

Этим немцы не ограничились. Числа 18 марта 1943 года штаб Розенберга вывез на грузовой машине почти все оставшиеся от индивидуального разграбления (в порту) и привезенные мною из Ялты картины работы русских художников XVIII – XIX веков, принадлежавшие Русскому музею (в Ленинграде), который летом 1941 года свою передвижную выставку, расположенную на втором этаже дворца-музея и захваченную здесь войной, оставил на хранение Алушкинскому музею. Этим картин штаб Розенберга вывез в количестве 59 штук и среди них чрезвычайно ценные работы в подлиннике кисти известных русских художников Репина, Сурикова, Верещагина, Врубеля, Маковского, Ге и других. На мой письменный протест против этого и просьбу вернуть эти картины, так как я их рассматриваю как чрезвычайно ценный материал для предполагаемой мною летом 1943 года выставки (на втором этаже музея) на тему “Русская культура в образцах изобразительного искусства”, ибо, как оказалось, немцы никакого представления о русской культуре не имели, считая, что “ее и не было, а что и было – большевики все уничтожили”, штаб Розенберга ответил, что вопрос о выставке сейчас не актуален и без разрешения штаба я никаких выставок открывать не имею права. Ранее, летом 1942 года, штаб Розенберга вывез также из музея восемь картин (масло, холст) работы советских художников (Бродского, Варфоломеева и других), написанные, главным образом, на советские, революционные темы, как, например, “Штаб Октября”, “Первомайская демонстрация”, “Царская Россия – тюрьма народов” и проч. Мой протест против этого и ссылка на то, что эти картины я могу хранить в фондах и никому не показывать, не привел ни к чему. Одновременно штаб Розенберга вывез и все советские журналы, находившиеся в так называемой “рабочей” библиотеке в музее для работы сотрудников его, как, например, журналы “Большевик”, “Спутник агитатора”, “Молодая гвардия”, “Под знаменем марксизма” и проч., часть книг по вопросам искусства и общим вопросам культуры, изданных в советское время, а также полное собрание сочинений В.И.Ленина (в двух изданиях) и сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса. Вывозя эти книги (приехав неожиданно), Шмидт приказал все остальные книги, изданные после 1917 года, приготовить к отправке в Симферополь через 2 недели. Не желая допускать полного разгрома советской музейной библиотеки, я решил рискнуть и тайком от всех перенес около 1500 книг марксистского содержания по вопросам истории, философии, искусства и литературы к себе на квартиру, задекорировав полки с ними, во второй комнате своей, гардинами. На остальные книги я составил список и послал его в штаб Розенберга с просьбой оставить эти книги в музее, как необходимые для научной музейной работы, хотя они изданы и после 1917 года, на что штаб Розенберга ничего мне не ответил, но и книги эти не вывозил больше. Вместе с этими 1500 книгами я перенес к себе на квартиру и большую часть роскошных литографий советского издания – видов дворца-музея, его интерьеров и снимков (литографированных) с экспонатов дворца-музея: картин, портретов, бюстов в количестве нескольких сот штук, бывших иллюстрациями к монографии о дворце-музее С.Д.Ширяева, изданной в 1927 году, и спрятал их в комнате в потайной ящик столика, оставив значительно меньшую часть в рабочей библиотеке, где они находились, так как Шмидт заметил их и взял с собою несколько десятков листов. (Позднее, уже в ноябре месяце 1943 года, когда штаб Розенберга уехал из Крыма, я перенес эти литографии из рабочей библиотеки в фонд так называемой “железной комнаты”). Из библиотеки Воронцова (большого зала) зимою 1943 – 44 года ялтинский комендант (фамилию его не помню – он был последним комендантом г. Ялты), по требованию румынского Генерального штаба армии, увез шесть книг на русском и французском языках, издания XVIII и XIX веков, по истории Молдавии и Валахии и сатиры русского писателя князя Кантемира. Кроме того, еще в декабре 1941 года адъютант какого-то немецкого генерала офицер Тюрк забрал из фундаментальной библиотеки дворца-музея (из коллекции книг генерала Мальцова) 101

книгу на немецком языке в роскошных изданиях конца XIX и начала XX столетий – мемуары, книги по истории, музыке и проч., – якобы, для чтения штаба этого генерала, находящегося в каком-то доме отдыха Кореиза, Гаспры или Мисхора. Тюрк оставил расписку свою на списке этих книг, но книг не вернул. Поиски мои этих книг по домам отдыха Кореиза, Мисхора и Гаспры не увенчались успехом: меня туда немцы не пускали и отказались дать ответ, целы ли эти книги. Только две книги из них я случайно увидел в комендатуре г. Алупки и упросил коменданта вернуть мне их. Не исключена возможность, что, если немцы не пожгли эти книги, их можно найти теперь где-нибудь в домах отдыха или деревнях Гаспры, Кореиза и Мисхора.

Таким образом (суммируя вышеперечисленное), немцы в результате своего хозяйничанья на протяжении 2 лет и 5 месяцев, которое, главным образом, сводилось к разграблению музейных ценностей, как в индивидуальном порядке мародеров – офицеров немецкой и румынской армий, так и организовано, при посредстве специально для этого созданного штаба Розенберга, расхитили около 450 картин работы известных мастеров живописи – голландских, фламандских, испанских, французских, итальянских, английских и русских художников, из которых наиболее ценными, кроме уже перечисленных выше произведений русского искусства, являются картины:

1. Джордж Дау: “Портрет Александра I”.
2. Голикс: “Портрет Николая I”.
3. Неизвестный художник: “Портрет Бернадота”.
4. Лука Джиордано: “Спящая Венера”.
5. Лука Джиордано: “Скованный Прометей”.
6. Новелли: “Прощание Гектора с Андромахой”.
7. Франческо Фурини: “Клеопатра”.
8. Корреджио: “Голова Иоанна Крестителя”.
9. Ян Давидс де Хеем: “Vanitas vanitatum”.
10. Снайдерс: “Женщина с фруктами”.
11. Дов: “Охота на оленя”.
12. Топкерс: “Курильщики”.
13. Топкерс: “Цирульня”.
14. Рибейра: “Святой Себастиан”.
15. Гондиус: “Журавли и собаки”.
16. Александр Брюллов: Семь штук замечательных акварелей.
17. Орловский: “Янычар”.
18. Орловский: “Тройка”.
19. И.К.Айвазовский: “Ялта”.
20. И.К.Айвазовский: “Керчь”.
21. И.К.Айвазовский: “Алупкинский дворец ночью”.
22. Г.Лапченко: “Девушка в темнице”.
23. Г.Лапченко: “Портрет Булгакова”.
24. Риго: “Портрет Петра I”.

и множество других замечательных произведений живописи и акварели.

Кроме того, немецко-фашистские грабители растащили часть фамильного фарфора Воронцова работы русских и французских мастеров, фамильной серебряной чрезвычайно художественной работы посуды, китайского фарфора, бронзовых изделий и проч. и, как уже упомянуто, несколько сот книг и журналов, как советского, так и дореволюционного изданий, точное количество которых будет установлено после полной инвентаризации всех музейных ценностей, на что понадобится несколько месяцев, так как книжные фонды музея исчисляются количеством около 35000 книг, картин осталось около 350, а также большое количество фарфора, мрамора, бронзовых и гипсовых изделий. В основном сохранилась вся обстановка дворца-музея.

Если к этому добавить, что, несмотря на все мое сопротивление, немцы нанесли ущерб и парковым ценностям, как то: срубили верхушки ценных экземпляров серебристых елей для

устройства елки Рождественской в итальянском парке при дворце-музее, захламили и загадили всю рощу магнолий там же, устроив в ней свалку для мусора, изуродовали итальянские фонтаны, чашечки на которых румыны избрали своей мишенью для упражнения в стрельбе, испортили “Фонтан слез”, украв свинцовую трубу, по-видимому, для стрельбы по перепелам и проч. и проч., то этим дополнится печальная картина немецко-фашистского хозяйничанья в Алушкинском дворце-музее.

Целью всей моей жизни на протяжении этих 2 ½ самых мрачных лет в моей жизни было во что бы то ни стало сохранить возможно максимальное количество музейных ценностей, самого дворца-музея и прилегающего к нему итальянского парка для будущего, счастливого будущего моей любимой советской Родины, и с глубоким удовлетворением я могу констатировать теперь, что это мне удалось в той степени, в какой это вообще было возможно под властью немецкого сапога, порою с риском для жизни.

Кроме перечисленного выше, могу добавить, что при первом же обходе всех помещений дворца-музея штабом Розенберга в марте 1942 года мною были скрыты от него целых два фонда, правда, в тот момент еще не совсем осознанно: книжный фонд фундаментальной библиотеки Воронцова в библиотечной башне и “железная комната”. На вопрос Шмидта: “Что это за двери?” (три двери в большом зале библиотеки) – я ответил на немецком языке в единственном числе “Schrank” – шкаф и открыл один шкаф (левый) с пустыми полками. Две других двери Шмидт не просил открыть, подумав, что и там шкафы, а я и не стал сам ему это предлагать. На письменный запрос о количестве всех фондовых помещений музея я ответил штабу Розенберга, уже умышленно не указав ни библиотечной башни, ни “железной комнаты”, а перечислив только помещения, в которых был штаб. Чем дальше, тем положение мое становилось более критическим и рискованным, ибо при тщательном осмотре музея от меня могли бы потребовать открыть и эти две двери. К моему счастью, этого не получилось, и в этих двух фондах мне удалось сохранить, утаив их от немцев, колоссальные ценности:

I. В библиотечной башне (здесь и далее подчеркнуто Щеколдиным. – С.Ф.), в числе прочих нескольких тысяч книг, издания от XVII до начала XX веков, хранятся единственные в СССР экземпляры книг (в количестве нескольких десятков), изданных в период Великой французской революции во Франции и находящихся на учете в Институте истории Академии наук СССР. На письменный запрос штаба Розенберга о том, какие наиболее ценные книги находятся в библиотеке Воронцова и какого вообще содержания эта библиотека, я, прекрасно зная все содержание библиотеки и что в ней есть наиболее ценного, ответил, что на этот вопрос я смогу ответить лишь после полной инвентаризации всех книжных фондов, которых около 30 тысяч, для чего приступил к инвентаризации лишь с начала лета 1943 года, да так ее и не закончил и, следовательно, не ответил на этот вопрос. Затянул я умышленно инвентаризацию и всех музейных ценностей дворца-музея.

II. В так называемой “железной комнате” (закрытой массивной железной литой дверью) сохранилось:

1. Большая и чрезвычайно ценная коллекция старинных гравюр XVIII – XIX веков русской, итальянской, английской, французской и немецкой школ в количестве около 3200 листов. Лишь один ящик с гравюрами в количестве около 1000 листов немцы вывезли из Ялты в Германию.

2. Чрезвычайно ценная и большая коллекция старинных военных географических, исторических, топографических и др. карт, в количестве около 4500 листов, которые размещены, кроме “железной комнаты”, еще и в шкафах больших письменных столов в большом зале библиотеки, в которые немцы и не заглядывали. Среди этих карт – знаменитые компасные карты – порталаны, изготовленные на пергаменте в 1574 г., о которых знают ученые специалисты научного мира СССР; о них (их всего три экземпляра) написан специальный труд: “Порталаны Алушкинского дворца-музея”.

3. Столь же ценная и большая коллекция планов и чертежей XVIII – XIX веков, среди которых – подлинные работы, подписанные архитекторами: Эдвардом Блором (автором проекта Алушкинского дворца) – придворным архитектором Англии и его учеником –

архитектором Вильямом Гунтом, строителем Алушкинского дворца, и известный всему архитектурному миру СССР подлинный чертеж Инженерного замка в Ленинграде, исполненный в карандаше великим русским зодчим и им подписанный Василием Баженовым.

4. Целый ряд картин (больше 100 экземпляров), исполненных акварелью, а также и маслом, русскими, немецкими и французскими художниками, и в числе прочих – два замечательных подлинника (масло на дереве) кисти И.К.Айвазовского.

5. Научный архив дворца-музея, в том числе известный архив Ушаковых, имеющих отношение к А.С.Пушкину.

6. И, наконец, большой рулон, свыше 50 экземпляров, литографированных портретов руководителей партии и правительства: т.т. Сталина, Ленина, Ворошилова, Кирова, Орджоникидзе, Молотова, Калинина, а также портреты К.Маркса и Ф.Энгельса. Этими портретами ко дню 1-го Мая с/г я снабдил (через зав. отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б) тов. Стамбольского) – г. Алушку, Кореиз Гаспру, через пред. райисполкома тов. Чолах – г. Ялту, а через зам. пред. СНК Крым. АССР тов. Мухамедову, приехавшую в музей, - г. Симферополь.

Этими двумя фондами не ограничилась моя работа, деятельно поддерживаемая всем дружным коллективом сотрудников музея, по сокрытию и утаиванию ценностей музея от немецких грабителей. Эта работа велась все время, систематически, с сугубой осторожностью, с болью в сердце и ... со страхом за неуспех. Так, например: замечательной ручной работы персидский огромный ковер, размером в 46 кв. метров, первой половины XIX века, подарок персидского шаха специально для “Бильярдной” комнаты, где он и сейчас лежит, мы прятали первые восемь месяцев немецкой оккупации, и лишь тогда уже, когда схлынула волна мародеров, из которых какому-нибудь генералу мог прийти по вкусу этот ковер, когда уже и прятать дольше от штаба Розенберга было опасно, он все равно мог бы быть обнаружен, мы положили его на место.

Еще пример: убедившись однажды в недостаточной квалификации специалистов-искусствоведов, приехавших из Берлина для оценки и осмотра остальных ценностей музея, когда они замечательный подлинник английского художника Хогарта (картина “Политик” или “Наказанная рассеянность”) приняли за копию, в чем я умышленно не стал их разубеждать, я, при осмотре всех остальных картин, выдавал зачастую подлинники за копии (понятно, тогда, когда это не сильно бросалось в глаза), увидав, что ко всем копиям они относятся весьма пренебрежительно, как бы эта копия ни была хорошо выполнена, а подлинники, хотя бы и посредственные, записывают в блокноты. Я страшно боялся изъятия всех подлинников из экспозиции и из фондов музея. В большинстве мой маневр мне удавался. Слепленные своим мнимым величием, высокомерно относясь ко всему не германскому, эти господа искусствоведы допускали невежественные ошибки. А у меня радовалась душа. Так, многие оригинальные работы известных западноевропейских и русских мастеров искусства записаны были немецкими специалистами из Берлина копиями. Может быть, таким образом они были спасены от вывоза их в Германию.

Не перечислить всех ухищрений нашей работы за этот период и всего, что сделано с большим трудом и опасностью. Добавлю к этому, что мною были приняты все максимально возможные меры к сохранению и самого здания дворца-музея, и его хозяйства. Так, например, мне удалось провести большой ремонт крыши дворца-музея, потратив на это, а также и на всевозможный внутренний ремонт и на изготовление новых кадров для весьма ценных экземпляров пальм и др. растений в Зимнем саду в общей сложности за этот период больше 50000 руб., при катастрофическом недостатке в материалах и рабочей силе.

Обо всей моей деятельности в музее во время оккупации и о моих взаимоотношениях со штабом Розенберга можно ознакомиться по документальным данным: они – в двух папках дел, взятых 21-го апреля с/г майором государственной безопасности Серебряковым у меня в кабинете музея и увезенных им почему-то в Симферополь, где он обещал вернуть их Управлению по делам искусств при СНК Крыма.

В заключение хочется сказать, что теперь, после всего этого пережитого кошмара, после

страшных бессонных дней и ночей с 10 по 15 апреля с/г, когда немецко-фашистская армия бежала на Севастополь, когда со страхом можно было ожидать покушения на уничтожение немецкими варварами дворца-музея, этого единственного в СССР памятника, отражающего культуру и быт 30-х – 40-х годов XIX века (и это могло произойти, ибо 15/IV утром я со своими сотрудниками Минаковым и Усеиновым обнаружил сброшенные громадные шашки для взрыва около всего северного фасада дворца-музея в количестве 11 штук, и мы перенесли их в старые окопы в парке, а три из них бросили в бассейн фонтана возле “Трильби” и потом местонахождение их показали начальнику гарнизона г. Алупки майору Костину), для предотвращения чего мы заперлись внутри музея и дежурили все дни и ночи, после всего этого понятен будет вздох облегчения, понятны будут наши слезы радости, брызнувшие из глаз в утро 16-го апреля, когда мы, наконец, увидели первые машины первых частей нашей Красной Армии, стремительно мчащиеся вслед за противником и тем спасших наши жизни, наш красавец дворец-музей и все многомиллионные ценности, сохранившиеся в нем.

И хочется надеяться, что и наш скромный труд по сохранению этих ценностей будет оценен нашими спасителями, которых мы с такой надеждой на наше светлое будущее ждали в течение всех этих 2 ½ лет, полных вечного страха, голода, нищеты и постоянных, систематических, изо дня в день, унижений и оскорблений.

Директор Алупкинского дворца-музея
2/V – 1944 г.

С.Щеколдин

Архив Главного управления Службы безопасности Украины в Крыму. Д. 018458. Т. 1. Л. 70 – 75. Автограф.